

С. К. Лащенко **

**«... ОТНОШЕНИЯ БЕЗ ВСЯКИХ ВИДОВ...»
(М. И. ГЛИНКА И ГЕДЕОНОВЫ)**
СТАТЬЯ 2**

Статья посвящена проблемам «глинкинского круга». Ее герои — М. И. Глинка, директор Императорских театров Александр Михайлович Гедеонов, его родственники по отцовской линии. На основании многочисленных исторических свидетельств, писем и воспоминаний восстанавливается история свойства и дружбы композитора с Николаем Дмитриевичем и Федором Дмитриевичем Гедеоновыми, прослеживается судьба каждого из них, анализируется та роль, которую довелось им сыграть в судьбе музыканта, доказывается: Н. Д. и Ф. Д. Гедеоновы были тесно связаны с биографией Глинки. В статье также анализируются подробности путешествий Глинки по Европе и, в частности, характер взаимоотношений композитора с Ф. Д. Гедеоновым. Особое внимание уделяется тем изменениям, которые произошли в отношениях директора Императорских театров с Глинкой под влиянием дружеских отношений композитора к членам семьи А. М. Гедеонова.

Ключевые слова: М. И. Глинка, «глинкинский круг», Николай Дмитриевич, Федор Дмитриевич Гедеоновы, Беззаботы, Париж.

S. K. Lashchenko
“...RELATIONSHIPS WITHOUT ANY SPECIES...”
(M. I. GLINKA AND GIDEONOVY)
Article 2

The article is dedicated to the problems of the “Glinka’s circle”. Her characters — M. I. Glinka, director of the Imperial Theaters Alexander Mikhailovich Gedeonov, his cousins of the father’s side. Based on numerous historical testimonies, letters and memories

* Лащенко Светлана Константиновна, доктор искусствоведения, заведующая Сектором истории музыки, Государственный Институт искусствознания (г. Москва); vreikh@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00277 «М.И. Глинка: pro et contra. Личность и художественное наследие Глинки в контексте рецепции и интерпретации».

are restored the composer's properties and friendship with Nikolai Dmitrievich and Fyodor Dmitrievich Gedeonov, analyzed the role they played in the biography of a musician is traced. It is proved: N.D. and F. D. Gedeonov were closely associated with the biography of Glinka. The article also analyzes the details of Glinka's travels in Europe and, in particular, the nature of the relationship between the composer and F. D. Gedeonov. Particular attention is paid to the changes that have occurred in the relations of the director of the Imperial Theaters with Glinka under the influence of the composer's friendly relations with his big family

Keywords: M. I. Glinka, "Glinka's circle", Nikolai Dmitrievich Gedeonov, Fyodor Dmitrievich Gedeonov, Bezzaboty, Paris.

В 1831 г., за несколько лет до того как М. И. Глинка стал хлопотать о судьбе своей первой оперы и, вслед за ее успешной премьерой, сошелся с директором Санкт-Петербургских Императорских театров Александром Михайловичем Гедеоновым и его сыновьями, Михаилом Александровичем и Степаном Александровичем, он вошел в свойство с представителями большого гедеоновского рода. Младшая сестра Глинки, Наталья Ивановна Глинка, вышла замуж за Николая Дмитриевича Гедеонова — двоюродного брата А. М. Гедеонова по отцовской линии.

Сам А. М. Гедеонов делал в то время неплохую гражданскую карьеру в Москве. Уйдя в отставку «за ранами» после многих лет военной службы, он получил место советника Московской Дворцовой конторы (бывшей Экспедиции кремлевского строения), был на короткой ноге с именитыми московскими аристократами, отмечен властью за доблестное выполнение долга во время коронации Николая I, отважное участие в борьбе с холерной эпидемией. Если и помышлял он в ту пору о театре, то только как о замечательном увлечении. Успешно, хотя и не бесспорно, поучаствовав в делах итальянской оперной труппы, чья деятельность в Москве субсидировалась С. С. Апраксиным и Н. Б. Юсуповым, А. М. Гедеонов и в начале 1830-х продолжал возвращаться в круг московских любителей театра и его служителей, но без особой горячности. Поддерживал ли он в эти годы контакты со своей родней по отцовской линии — неизвестно. Но, бесспорно, о ее существовании знал, невзирая на то что после утраты отца, жизни с матерью и отчимом контакты с близкими по отцовской линии не могли не стать слабее.

Отставной военный, третий из кузенов А. М. Гедеонова по отцовской линии, Николай Дмитриевич Гедеонов (1799 — после 1859), ничем особым не отличался. Став, по семейной традиции военным, он, однако, недолго нес службу, уйдя в отставку поручиком и связав свою жизнь с усадьбой Беззаботы, доставшейся ему от отца. Он явно не был героем «большой истории», и если бы не брак с сестрой М. И. Глинки, так и остался бы в неизвестности.

Наталья Ивановна Гедеонова (Глинка) была почти на 10 лет моложе супруга. Она не обладала ни особой красотой, ни особым здоровьем. Но пленяла окружающих тем, что являлась личностью «необыкновенной кротости» и «доброты неизреченной» [1, с. 147]. По всей вероятности, она была не лишена музыкальных способностей. М. И. Глинка, горячо любивший сестру и трогательно заботившийся о ее здоровье, начинал заниматься с ней музыкой, стараясь развить ее природные вокальные данные, и даже написал для нее шесть контральтовых вокальных этюдов. Но дальше этого дело не пошло.

Зятя своего, Н. Д. Геденова, Глинка характеризовал как человека «доброго, открытого нрава», но очень «вспыльчивого» [1, с. 147]. Глинка называл Николая Дмитриевича «любимым зятем», «братцем», видя, что он и Наталья Ивановна образуют гармоничную, вполне благополучную пару, с которой самому Глинке было комфортно общаться.

Известно, что композитор старался воспользоваться любой возможностью, чтобы повидаться с сестрой и ее супругом. Пожалуй, самая памятная встреча состоялась в 1833 г. в Берлине. Глинка писал, что в июле 1833 г., испытывая обострение хронических болезней и оттого пребывая в «глубокой тоске» и «носталгии», неожиданно для себя получил известие, что

сестра <...> с мужем своим Николаем Дмитриевичем Геденовым поехала в Берлин. Это известие загло во мне желание туда же отправиться, и так как препятствий к исполнению его не было, то я и оставил Италию в конце <...> июля 1833 года [1, с. 144].

Встреча, состоявшаяся в Берлине, побудила Глинку задержаться здесь надолго. Какое-то время он и семья сестры даже жили вместе, «на *Jägerstrasse* № 10, во втором этаже». Позднее композитор «занял особенную, в том же доме, в том же этаже, насупротив сестры и зятя подобную им квартиру» [1, с. 148], прожив там «тихо и приятно» до конца марта 1834 г. [1, с. 150], когда, получив известие о кончине отца, в одной коляске с Н. Д. Геденовым и сестрой вернулся в Россию.

Простившись с отцом, супруги Геденовы уехали в имение Смоленской губ. Беззаботы (Беззаботье) (в 15 км от с. Глинка). Усадьба здесь существовала с середины XVIII в., принадлежала князьям Шаховским (в усадьбе родился драматург А. А. Шаховской), а с конца столетия перешла к Н. Ф. Пассек, супруге смоленского гражданского губернатора, генерала Д. Я. Геденова, дяди А. М. Геденова (по отцовской линии) и отцу Н. Д. Геденова.

После его женитьбы усадьба стала любимым местом пребывания семьи. Со временем супруги взяли двух воспитанниц. Известно, что Глинка, храня в памяти знаменательные события, старался не забывать о ребенке, росшем в семье Н. И. и Н. Д. Геденовых, Вере (из письма М. И. Глинки Л. И. Шестаковой, Париж, 8/10 декабря 1853 г.) [2, с. 472]. Была ли это единственная родная дочь супругов или одна из двух воспитанниц, — установить пока не удалось.

Подраставшие в семье девочки требовали все большего внимания. Однако дать его им Наталья Ивановна уже не могла. Здоровье ее неуклонно ухудшалось, и последние годы жизни Н. Д. Геденову довелось прожить вдовцом.

Он отчаянно старался сдержать обещание, данное жене: позаботиться о сиротах. Но средств катастрофически не хватало. Девочкам нужно было учиться, их следовало поддерживать финансово. Н. Д. Геденов пытался внедрять в усадебное хозяйство любое новшество — лишь бы оно принесло прибыль. Он даже устроил здесь винокуренный завод. Но все хозяйственные затеи приносили лишь убытки. Усадьбу пришлось заложить, выкуп ее на собственные средства оказался нереален. Ради девочек Н. Д. Геденов пошел на отчаянный шаг, обратившись к государю с ходатайством о помощи. Так удалось пристроить воспитанниц в Петербурге. Сам же Н. Д. Геденов прожил

после этого недолго. После его кончины имение перешло к младшему брату, Петру Дмитриевичу, полковнику в отставке. Но и тот не смог распорядиться наследством. С середины XIX в. владельцем Беззабот был коллежский регистратор Д. А. Яганов, а последней хозяйкой стала А. И. Энгельгардт (урожд. Михалевиц, по первому мужу Бенкевич) [9, с. 44].

М. И. Глинке, к счастью, не довелось увидеть упадок семьи и крах столь любимых им Беззабот. В годы расцвета усадьбы, при Н. Д. Гедеонове, он нередко приезжал сюда, охотно и плодотворно работая над новыми творческими замыслами, в частности над «Русланом и Людмилой». Так, летом 1840 г. именно в Беззаботах композитор закончил Интродукцию оперы, а в 1844-м счел необходимым и желательным для себя по пути в Париж заехать в Беззаботы, чтобы повидаться с родными.

Известно, что в Беззаботы приезжал и А. М. Гедеонов. Даты его визита в усадьбу установить на сегодняшний день сложно, а потом, невозможно достоверно судить о том, встречались ли Глинка и директор Императорских театров в усадьбе, хотя вероятность подобных встреч весьма высока. Но для нас сейчас важнее другое: визиты А. М. Гедеонова в Беззаботы (возможно, с семьей) говорят о том, что директор Императорских театров поддерживал контакты с родственниками по отцовской линии и, судя по всему, достаточно активные. А это значит, что уже в начале — середине 1830-х гг. Глинка входил в «гедеоновский круг» на правах свойственника. Этим, скорее всего, и может быть объяснима его достаточно «панибратская» фраза в письме матери о том, что Гедеонов «взбеленился» в ответ на просьбу предоставить ему место в театре, равно как размашистое, дышащее обидой: «...с тех пор я его не видал, да без дела и не хочу ему казаться на глаза» [2, с. 94], говорящая о том, что до инцидента Глинка с А. М. Гедеоновым виделся и виделся неоднократно.

Предположение о значимости для Глинки его свойства с Гедеоновыми подтверждает и факт его присутствия на венчании родной сестры Н. Д. Гедеонова, Надежды Дмитриевны (предположительно, со штабс-офицером Козловым). Весной 1836 г. М. И. Глинка со своим младшим братом был на торжестве, воспринимая его как семейное (из письма М. И. Глинки Е. И. Глинке, Петербург, 1 мая 1836 г. [2, с. 93]).

В круг глинкинско-гедеоновских контактов входил еще один представитель родственников А. М. Гедеонова по отцовской линии — Федор Дмитриевич Гедеонов (1797–1877), старший брат Н. Д. Гедеонова. С ним Глинка тоже сошелся в 1830-е гг. Произошло это примерно тогда же, когда Александр Михайлович, получив должность директора Санкт-Петербургских Императорских театров, входил в дела вверенных ему учреждений.

Из всех гедеоновских родственников, пожалуй, именно с Ф. Д. Гедеоновым у Глинки сложились наиболее тесные, достаточно продолжительные и непростые отношения, что, как представляется, побуждает внимательнее всмотреться в облик глинкинского приятеля. Тем более, что особенности его биографии многое могут рассказать и о самом Глинке.

Известно, что Ф. Д. Гедеонов, как и большинство представителей его семьи, в молодости связал свою судьбу с военной карьерой. За несколько лет он прошел путь от оренбургского улана до лейб-жандарма, став в конечном итоге гвардейским офицером, дослужившись до чина подполковника.

Впервые внимание современников штабс-капитан Лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона Федор Гедеонов привлек еще в 1823 г., когда оказался невольным виновником скандальной и нелепой ссоры, завершившейся дуэлью и смертью старшего из братьев Гедеоновых, Якова Дмитриевича [5]. Федор Дмитриевич, ставший свидетелем дуэли, разжалован не был и, пережив нелегкую утрату, вернулся к службе.

Однако в 1827 г. в жизни Федора Дмитриевича, теперь уже старшего Гедеонова, произошло событие, кардинальным образом повлиявшее на его судьбу. Будучи уланским майором, он узнал о существовании в полку тайного кружка, о чем и донес начальству. Начальство отреагировало, виновные были наказаны, а о самом верноподданническом поступке майора было доложено императору. Тот, естественно, позитивно оценил поступок Ф. Д. Гедеонова. В отличие от сослуживцев майора.

Ощущая отношение однополчан и скованный запретом на разглашение подробностей происшедшего, Ф. Д. Гедеонов принял решение перейти в действующую армию, участвующую в войне с Турцией. 8 апреля 1828 г., как свидетельствуют документы Инспекторского департамента Главного штаба, он был переведен в Курляндский уланский полк и отправлен в расположение Дунайской армии [7; 8]. Однако в военных действиях так и не участвовал. Долгая болезнь послужила причиной отставки, которую Ф. Д. Гедеонов получил в феврале 1830 г. [8], уйдя из армии в чине подполковника с правом ношения мундира.

Как полагают исследователи, в отставке жизнь Ф. Д. Гедеонова не задалась. Все его попытки найти место на «штатной» (гражданской) службе были тщетными. В 1834 г., вспоминая о своих мытарствах, Ф. Д. Гедеонов писал в прошении на имя императора:

Недоверие начальства и товарищей удержало меня утруждать об определении паки в полк. Трехлетнее старание [мое] к определению на штатное место было безуспешно: куда и кому ни являлся с прошением, получал учтивый отказ. Видел ясно, что никто не желал иметь меня под своим Начальством, и избегали моего общества; поначалу мне невозможно было нарушением наложенной на меня тайны оправдаться в общественном мнении; ныне же и не поверят.

Шесть лет находился я в сем горестном положении; потерял время службы, прожил движимость; без протекции, а всего нестерпимее — у всех в подозрении. Мог ли я существовать в моем Отечестве? [8].

И Ф. Д. Гедеонов, оставив в России жену и сына, покинул отечество, «долговременным отсутствием» своим полагая «оправдать несправедливость павшего» на него «сомнения» [8].

Неведомо каким образом Ф. Д. Гедеонов оказался в Париже, где обосновался, невзирая на то что еще в 1830 г. всем русским подданным было предписано покинуть пределы Франции в связи с Июльской революцией. В апреле

1834 г. Император подписал еще один указ, подтверждающий запрещение подданным Российской империи находиться во Франции без Высочайшего на то соизволения. Но и тогда Ф. Д. Гедеонов не покинул Париж, обратив на себя тем внимание Третьего отделения, вице-канцлера графа К. В. Нессельроде и российского посла в Париже графа К. О. Поццо ди Борго. Однако не только упорное желание Ф. Д. Гедеонова остаться во Франции вызвало беспокойство русских властей. Примерно в это же время (ок. 1833–1834 гг.) в России стало известно о его намерении отправиться в Египет и вступить там на военную службу, что было воспринято шагом вызывающим, чреватым потерей любых связей с Россией, как сообщалось об этом в секретной депеше вице-канцлера российскому послу.

Поццо ди Борго тут же вызвал Ф. Д. Гедеонова в посольство и, убедившись, что у того действительно существовало намерение уехать в Египет, вступив там в иностранную военную службу, привел веские доводы против подобного решения, главным из которых было личное неодобрение императора. По результатам визита в посольство Ф. Д. Гедеонов подал прошение на имя Николая I, о котором уже шла речь выше. В прошении, объясняя мотивы, лежавшие в основе его идеи, Ф. Д. Гедеонов вместе с тем отказывался от решения вступить в иностранную военную службу и улучшения, таким образом, своего финансового положения.

Государь! Не усумнитесь чтоб таликое повинование было следствие недостатка. Могу удостоверить, что пока силы есть, не краснея добуду необходимое и до унижения не дойду. Ежели же Бог поможет мне оправдаться пред моим Императором, за счастье почту посвятить дни мои на службу Вашего Императорского Величества. Какая бы не воспоследовала воля Вашего Величества, со всегдашней покорностию оную исполню.

Вашего Императорского Величества Всемиловитвейшего моего Государя
Верноподданный Федор Гедеонов, отставной Курляндского Уланского полка
подполковник.

1834 года. Мая. Париж [8].

Император, познакомившись с прошением, «выказал благоволение», дав понять о готовности поддержать Ф. Д. Гедеонова в случае возвращения в Россию. Однако тот, горячо уверяя представителей дипломатических кругов в своем желании оказаться на родине, возвращаться не спешил, о чем российский посол докладывал Нессельроде. Мотивировка была проста: за время пребывания во Франции он успел сделать немало долгов. К. О. Поццо ди Борго взялся урегулировать этот вопрос. Ф. Д. Гедеонов был признателен, забронированное для него место на корабле, отправлявшемся в Россию через Гавр, казалось бы, свидетельствовало о том, что дело решено. Но все вскорости разладилось: Ф. Д. Гедеонов вновь отказался от возвращения, обратившись к прежним аргументам.

Упорное нежелание старшего из братьев Гедеоновых покидать Францию дало историкам основание полагать, что тот в Россию так и не приехал. Однако документы биографии Глинки позволяют утверждать, что жизнь Ф. Д. Гедеонова за границей протекала не только в Париже, что после разгоравшегося конфликта

в России он бывал неоднократно и что связи его с соотечественниками ограничивались не только дипломатическими кругами: интересы и возможности Ф. Д. Гедеонова были гораздо шире.

* * *

По всей вероятности, Глинка, как и вся его семья, мог сблизиться с Федором Дмитриевичем Гедеоновым еще на свадьбе своей сестры, состоявшейся, как уже отмечалось, весной 1831 г., когда Ф. Д. Гедеонов, уже будучи в отставке, свободно располагал собой и своим временем. Видимо, тогда же контакты М. И. Глинки и Ф. Д. Гедеонова установились не только как семейно-родственные, но и как дружественные, приятные обоим.

Этим объясняется то, что спустя два года Глинка с радостью и воодушевлением встретился с Ф. Д. Гедеоновым в ходе своего европейского вояжа. Уровень контактов музыканта с Ф. Д. Гедеоновым был столь высок, что идея поселиться в одной квартире ни для кого из них не показалась неуместной.

В конце июля 1833 г., возвращаясь из Италии, Глинка остановился в Вене [4, с. 71], где, по предположениям биографов, провел «две-три недели; выезжал на некоторое время в курортное предместье Баден и после возвращения оттуда пробыл в австрийской столице еще полтора месяца» [6, с. 238].

Как вспоминал Глинка, Ф. Д. Гедеонов появился в Вене позже, чем он сам и, поселившись на одной квартире вместе с музыкантом, «доводил <его> до слез от смеху каждое утро, болтая <...> скороговоркою по-немецки» [1, с. 147]. Скорее всего, об инциденте, побудившем Федора Дмитриевича покинуть Россию, Глинка ничего не знал: ограничения в праве обсуждения этой темы, наложенные властями предрежущими, были для Гедеонова святы. Однако верноподданническая позиция и монархические взгляды подполковника в отставке не могли не проявляться в беседах и, коль скоро Глинка продолжал долго и тесно общаться с ним, музыканту они были если и не близки, то явно не противны.

Общение с Ф. Д. Гедеоновым не закончилось венскими встречами. Зная о полученном Глинкой известии о пребывании сестры и Н. Д. Гедеонова в Берлине, о неослабевающем желании Глинки встретиться с ними, Ф. Д. Гедеонов «в первой половине октября с свойственною ему ловкостью в короткое время устроил все для путешествия» [1, с. 147]. В октябре 1833 г. Федор Дмитриевич и Михаил Иванович вместе выехали из Вены, отправившись на большую семейную встречу, принесшую хворающему музыканту радость и отдохновение.

Как вспоминал с признательностью композитор, во время пути Ф. Д. Гедеонов «заботился обо мне, как бы о родном брате, и когда я охал, то он пел песни и рассказывал побасенки, чтобы развлечь меня» [1, с. 147].

Веселый, открытый характер Ф. Д. Гедеонова чрезвычайно импонировал Глинке, а проявлявшаяся забота о музыканте трогала до слез. Глинка был признателен Федору Дмитриевичу, составив о нем представление как о человеке компанейском, дружелюбном, настроенном на доброжелательное общение.

Но контакты с Ф. Д. Гедеоновым продолжались в то время недолго. Очевидно, встретившись с родственниками, Федор Дмитриевич вскорости

покинул Берлин. Был ли он уже тогда увлечен идеей воинской иностранной службы — неизвестно, но когда Глинка, получив тяжелое известие о кончине отца, в апреле 1834 г. возвращался в Россию, Ф. Д. Гедеонов уже был в Париже, занимаясь разрешением вопросов, связанных с его пребыванием во Франции, идеей отъезда в Египет и объяснениями с русским императором.

Контакты Глинка и Ф. Д. Гедеонова продолжились в марте 1835 г. в Петербурге. Зафиксированные документально, они опровергают утверждения историков о том, что Ф. Д. Гедеонов в Россию в это время не возвращался. Судя по всему, он не только пребывал в середине 1830-х гг. в российской столице, но был вхож в круг высокопоставленного чиновничества, общаясь в т. ч. с А. М. Гедеоновым, являвшемся уже в ту пору директором Санкт-Петербургских Императорских театров.

Доказательством тому — уже упоминавшееся участие Федора Дмитриевича Гедеонова в служебно-театральной инициативе Глинка 1835 г.

Будучи в числе лиц, поддерживавших Глинку в его намерении получить место в Дирекции Императорских театров, Ф. Д. Гедеонов, судя по всему, воспринимался композитором как человек, имевший непосредственное отношение к театральной дирекции. Сложно сомневаться в том, что отношение это затрагивало личные контакты Федора Дмитриевича и Александра Михайловича Гедеоновых.

В письме матери Глинка, упоминая Федора Дмитриевича как человека, хорошо ей известного, писал:

...дело моего определения к театру идет весьма медленно, и я теперь просил Федора Дмитриевича известить директора театров, что намерен провести лето в деревне, а что не оставляю намерения служить при нем и прошу его иметь меня в виду (Петербург, 9 марта 1835 г. (?)) [2, с. 82–83].

Как уже отмечалось, назначения Глинка так и не получил. Но отношения с Федором Дмитриевичем продолжались, став доверительными, теплыми, истинно семейными. Глинка настолько естественно чувствовал себя в общении с Ф. Д. Гедеоновым, что, памятуя о тех легкости и «распорядительности», которые проявились у него во время устройства их поездки из Вены в Берлин, «упросил» (Глинка) его ехать с ним в Париж (что, кстати сказать, еще раз подтверждает, что Ф. Д. Гедеонов в России был: с Глинкой они встречались и планы французского путешествия строили совместно).

В 1844 г., решившись вместе ехать во Францию, Ф. Д. Гедеонов со своей приятельницей, француженкой Адель Россиньоль, и М. И. Глинка по дороге в Париж заехали в Беззаботы. По всей вероятности, это была последняя встреча родственной четверки, подарившая всем ее членам, как и десять лет назад, нескрываемое наслаждение от совместного времяпрепровождения.

Достигнув столицы Франции, Глинка, Ф. Д. Гедеонов и Адель Россиньоль решили проживать вместе. Не вдаваясь в подробности жизни втроем, Глинка поначалу лишь упоминал в письмах матери о существовании Адели и о том, что та учится под его руководством петь, начиная «успевать» в овладении вокальным искусством (Париж, 4/16 ноября 1844 г.) [2, с. 238].

Все бремя новых бытовых забот, окруживших их в Париже, Глинка с радостью возложил на Ф. Д. Гедеонова, и тот, знаток французской столицы, почти что парижанин, блестяще справился с задачей, опекая своего «братца» и заботясь о нем. Глинка сообщал матери:

Федор Дмитриевич нашел нам, наконец, миленькую квартирку: две спальни, зала и кухня — по-нашему тесно, по-здешнему просторно, и мы теперь помаленьку устраиваемся — не спешим, чтобы выгоднее приобрести нужное. Часто обедаем дома, сами стряпаем и друг другу прислуживаем. <...> Благодаря братцу Федору Дмитриевичу я живу без заботы... (Париж, 9/21 августа 1844 г.) [2, с. 228].

Позднее именно Ф. Д. Гедеонов делал предварительные расчеты о финансовой стороне возможного пребывания в Париже матери Глинки (из письма М. И. Глинки Е. А. Глинке, Париж, 15/27 декабря 1844 г.) [2, с. 242], устраивал различного рода собрания и вечеринки, чтобы развлечься самому и развлечь своего «братца».

Однако так продолжалось недолго. Примерно через четыре месяца, к концу года, Адель Россиньоль переехала к матери, и в доме, где композитору еще недавно жилось так спокойно и комфортно, наступили «тоска и разладица» (из письма М. И. Глинки Е. А. Глинке, Париж, 15/27 декабря 1844 г.) [2, с. 242]. Ф. Д. Гедеонов все чаще заводил разговор о необходимости разъехаться [2, с. 242]. Хотя бы для экономии. Мысль эта для него была особенно актуальна, поскольку жить долго в Париже он и не намеревался, собираясь покинуть Францию еще в начале осени 1844 г. Композитор, уже тогда сознавая неизбежность перемен, писал:

Федор Дмитриевич собирается в непродолжительном времени отправиться по своим делам в Германию и Швейцарию на довольно долгое время, и по дружбе своей заблаговременно приучает меня к порядку и счету (Е. А. Глинке, Париж, 16/28 сентября 1844 г.) [2, с. 230].

Но время отъезда Ф. Д. Гедеонова из Парижа все отодвигалось, хотя присутствие в их компании матери Адель, с интересами которой они должны были считаться, возникавшие на этой почве ссоры Ф. Д. Гедеонова с Адель становились все напряженнее. И Глинка тяжело переживал происходящее:

...У нас в доме расстройство, Гедеонов ссорится с своей Аделей, я, несмотря на миролюбивый характер, вмешан в эту глупую проделку, и, сколько могу предвидеть, дело так не кончится, а, вероятно, мы разъедемся (из письма М. И. Глинки Е. И. Флэри, Париж, 19/31 декабря 1844 г.) [2, с. 244].

К началу 1845 г., казалось бы, гроза миновала, и Глинка горячо уверял маменьку:

Я писал к вам, что мы было разъехались в Федором Дмитриевичем, однако же, к счастью, дело обошлось, у нас в доме снова водворилось согласие. Хотя Федор Дмитриевич подчас бывает крут и капризен, но вообще, должно отдать ему справедливость в том, что он человек добрый и распорядительный. Уже с месяца мы без денег, а дом идет порядком и живем себе помаленьку (Париж, 30 декабря 1844 / 11 января 1845 г.) [2, с. 248].

Дни с Ф. М. Геденовым и Аделью, продолжавшей брать уроки у Глинки, текли приятно и беззаботно. Будучи достаточно откровенным со своим зятем, В. И. Флери, Глинка писал ему о том, о чем, быть может, не спешил сообщать сестре и матушке:

...две очаровательные ученицы часто приходят и развлекают нас своим веселием и, в особенности, парижской болтовней, доставляющей наслаждение моему музыкальному уху, как непринужденно льющаяся музыка. Несколько близких людей иногда присоединяются к нам, увеличивая наш кружок, и подчас мы устраиваем маленькие неприятельные вечеринки — танцуем, поем и много веселимся. Последняя вечеринка (которая состоялась накануне русского нового года) была действительно прелестной. Следует признаться, что мой кузен Геденов имеет настоящий дар устраивать всякого рода собрания (Париж, 5 / 17 января 1845 г.) [2, с. 251].

Спустя годы Глинка вспоминал о таких же вечеринках еще откровеннее:

Мне самому запала мысль обзавестись подругою; для того я начал посещать маленькие театры, в особенности бывший в то время в улице de la Victoire <...> театр Chantereine. На этом театре упражнялись молодые артисты и артистки, играли также любители и любительницы драматического искусства. <...> Я подметил несколько миловидных артисток, и мы с Теодором (Ф. Д. Геденовым. — С. Л.) пригласили их к себе.

Чтобы нас посещали еще охотнее, мы затеяли вечера. Собирались около 8 часов вечера несколько молодых актрис, а также несколько соотечественников и иностранцев. Общество было приятное, пели, танцевали, потом подавали чай, пунш (легкий, разумеется) и в заключение большой сладкой [пирог]. Все это было Теодором ловко устроено, веселились мило, а вечера стоили немного. Все должно было оканчиваться в 11 часов [1, с. 242].

Но, как показало время, это было затишьем перед бурей. В начале февраля 1845 г. Глинка и Ф. Д. Геденов окончательно расстались. В письме сестре Елизавете и ее супругу, Виктору Ивановичу Флери, композитор признавался: «...Знайте, что уже дней десять, как я не живу вместе с моим кузеном Геденовым. Наша совместная жизнь шла так плохо, что я воспользовался одной нашей ссорой и поселился отдельно...» (Париж, 15 / 27 февраля 1845 г.) [2, с. 260], на улице Provence, 22 (из письма Л. А. Гейденрейху, Париж, 16 / 28 февраля 1845 г.) [2, с. 263]. Однако, добавлял композитор, «мы с кузеном не рассорились окончательно; видимся почти каждый день и очень часто обедаем вместе — но это не мешает мне испытывать удовлетворение от того, что я живу один...» (из письма Е. И. и В. И. Флери, Париж, 15/27 февраля 1845 г.) [2, с. 260].

О том же Глинка сообщал и Л. А. Гейденрейху, и матери. Пожалуй, в письме к последней Глинка был наиболее откровенен, уточняя, что все пошло не так, как ожидалось, именно «с приездом матери Адели». «Мы погорячились оба, и чтобы избежать подобных неприятных столкновений, я, не теряя времени, переехал, и чрезвычайно этим доволен».

Видаюсь с Федором Дмитриевичем почти каждый день, часто обедаем вместе, но жить одному покойнее. У всякого барона своя фантазия — у Федора

Дмитриевича страсть мешаться в чужие дела и, сверх того, при добрейшем сердце, он чрезвычайно вспыльчив и часто бывает так нерассудителен, что заводит разговоры о предметах, о коих бы следовало не напоминать, — так, например, достаточно напомнить мне о моем процессе (речь идет о бракоразводном процессе Глинки. — С. Л.), чтобы встревожить меня до отчаяния (из письма Е. А. Глинке, Париж, 18 февраля / 2 марта 1845 г.) [2, с. 265].

Глинка, похоже, все более и более разочаровывался в своем «братце». «Наши характеры, вкусы и занятия слишком противоположны», — писал он Е. И. Флэри (Париж, 19 / 31 декабря 1844 г.) [2, с. 245]. Конечно, немалую роль в том играл и сам М. И. Глинка, обладавший «не самым уживчивым (хотя и достаточно миролюбивым) характером» [6, с. 285]. Но менялся и Ф. Д. Гедеонов. Возможно, причины тому лежали в памяти о тягостном инциденте. Весельчак, заботливый добряк, он постепенно превращался, как писал Глинка, в человека, который «несмотря на доброту сердца, всегда угрюм и мрачен и часто заводит разговоры, от которых становится грустно и тошно» (Е. А. Глинке, Париж, 6 / 18 марта 1845 г.) [2, с. 268], потчuya «сплетнями, пересудами и толками, кои ему чести не приносят» (Е. А. Глинке, Париж, 31 марта / 12 апреля 1845 г.) [2, с. 272].

Короткая парижская «влюбленность» Глинки в Ф. Д. Гедеонова закончилась, оставив в душе лишь разочарование. В мае 1845 г. Глинка покинул Париж, отправившись в столь долго манившую его Испанию. Место Ф. Д. Гедеонова в его жизни занял испанец St. Jago, рекомендованный «лучшим приятелем» Глинки в Париже, маркизом Суза — представителем «одной из благороднейших фамилий в Испании» (из письма М. И. Глинки Е. А. Глинке, Париж, 22 ноября / 4 декабря 1844 г.) [2, с. 241].

Новым компаньоном Глинка оставался «чрезвычайно доволен» (из письма М. И. Глинки Л. А. Гейденрейху, Париж, 16/28 февраля 1845 г.) [2, с. 263]. Поддерживая глинкинское хозяйство, подобно Ф. Д. Гедеонову, «в порядке», он принципиально отличался от Федора Дмитриевича тем, что был «тих, добр, услужлив» (из письма М. И. Глинки Е. А. Глинке, Париж, 18 февраля / 2 марта 1845 г.) [2, с. 265] и, все умея делать, оставался «смирн, добр и расторопен» (из письма М. И. Глинки Е. А. Глинке, Париж, 6 / 18 марта 1845 г.) [2, с. 268]. Сравнивая со своим житьем с Федором Дмитриевичем, Глинка заключал: «<...> у меня все тихо, смирно и дружно» (из того же письма) [2, с. 268].

Ф. Д. Гедеонов остался, по-видимому, во Франции. Выезжал ли он еще из страны и когда — неизвестно. Известно лишь, что жизнь свою он закончил в 1877 г., в Париже, оставив квартиру на бульваре Сен-Жермен, № 78.

Судя по описи имущества, сохранившейся среди бумаг российского генконсульства в Париже, отставной русский подполковник <...> не бедствовал, хотя и не имел особого достатка. Занимаемая им небольшая квартира из нескольких комнат была обставлена мебелью красного дерева. Стоимость принадлежавшего покойному имущества была оценена в 1571 франк, не считая обнаруженной в квартире наличности (140 франков и 4 рубля 40 копеек). К этому можно добавить найденные у Гедеонова ценные бумаги на общую сумму 2141 франк 90 су 120. Гедеонов жил в полном одиночестве, и потому было принято решение оставить его описанное имущество на временное хранение у консьержки, мадемуазель

Сежурнан, вплоть до обнаружения возможных наследников Гедеонова в России, о чем была составлена соответствующая доверенность [8].

* * *

Подводя краткие итоги, отметим: начало 1830-х — середина 1840-х гг. — время наиболее активного общения М. И. Глинки с многочисленными родственниками А. М. Гедеонова на правах свойственника и друга. О личных контактах композитора с семейством директора Санкт-Петербургских Императорских театров потомки старались либо не упоминать вовсе, либо отмечать их существование весьма бегло. Исследователи, в большинстве своем, продолжили эту традицию, утвердив «по умолчанию» точку зрения, согласно с которой связи Глинки с А. М. Гедеоновым и его родней не имели особого значения ни для творчества композитора, ни для судеб его произведений, прежде всего театральных.

Однако, как представляется, это не так. Собранные и систематизированные документы говорят о том, что «гедеоновские контакты» сыграли в жизни композитора огромную роль, сказавшись и на его мировоззрении, и на многочисленных поворотах жизненного пути, и на судьбах его оперных сочинений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка М. И. Записки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. — Л.; М.: Государственное музыкальное изд-во, 1952. — Т. I: Автобиографические и творческие материалы / под ред. В. Богданова-Березовского.
2. Глинка Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. — Л.; М.: Государственное музыкальное изд-во, 1953. — Т. II: Письма и документы / под ред. В. Богданова-Березовского.
3. Лащенко С. К. Директор Императорских театров А. М. Гедеонов: московские истоки Санкт-Петербургской театрально-административной карьеры // Искусство музыки: теория и история. — 2012. — № 5. — URL: <http://imti.sias.ru/authors/3724.html> (дата обращения: 13.04.2019).
4. [Орлова А.] М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества / сост. А. Орлова. 2-е изд. — Л.: Госмузгиз, 1978. — Т. 1.
5. Рыбалка А. «...За порцию мороженого». — URL: <https://anrike.livejournal.com/119480.html> (дата обращения: 07.04.2019).
6. Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Ч. II: Глинка в Германии или Апология романтического сознания. — Киев, 2002.
7. Черкасов П. П. Невозвращенец: Дело подполковника Гедеонова // Родина. — 2001. — № 10 — С. 44–47.
8. Черкасов П. П. «Дело» подполковника Гедеонова, или Исповедь нераскаившегося доносчика // Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. — URL: <https://military.wikireading.ru/32392> (дата обращения: 16.04.2019).
9. Чижков А. Б., Гурская Н. Г. Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. — Смоленск: Русская усадьба. Свиток, 2009.